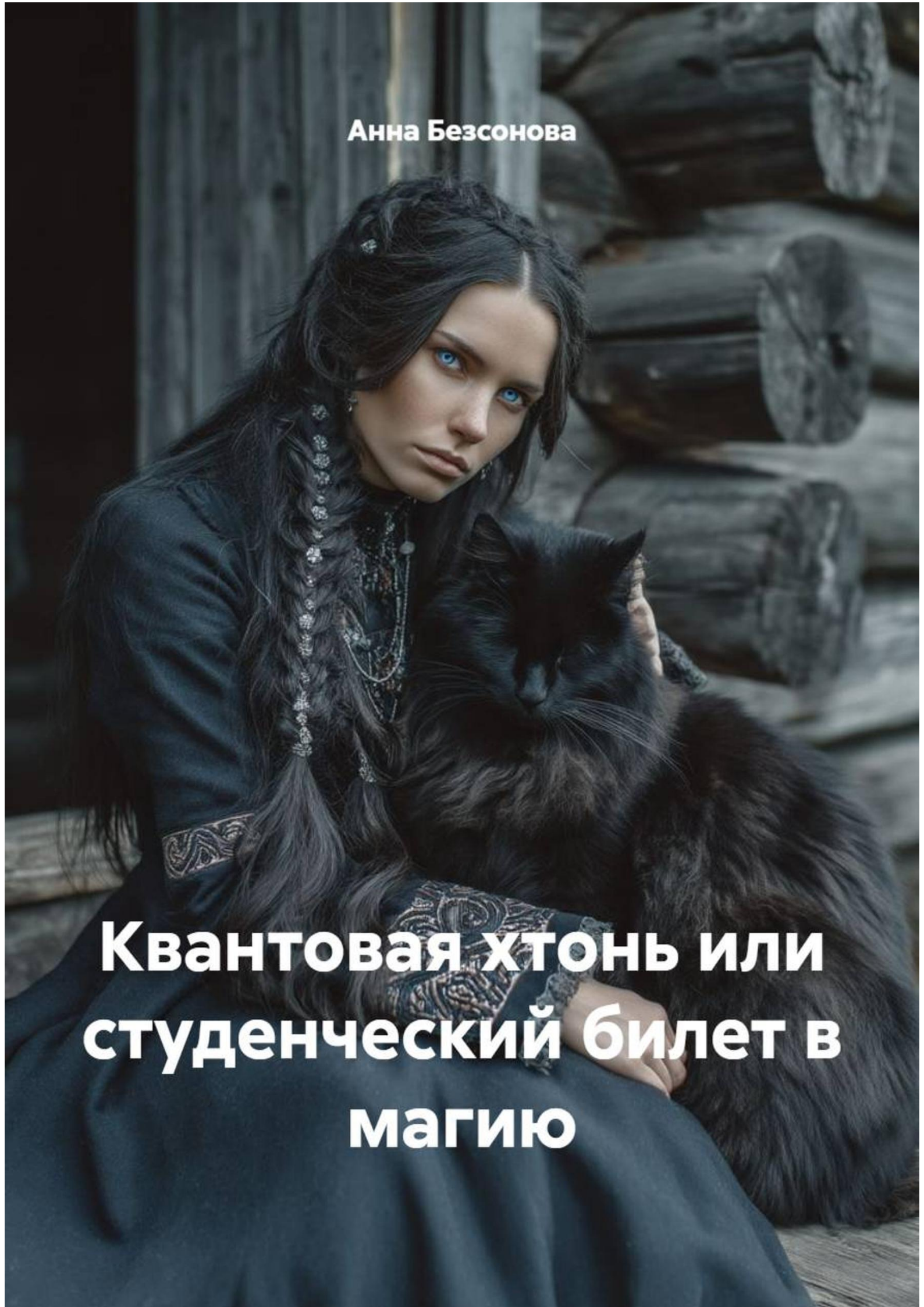

Анна Безсонова

**Квантовая хтонь или
студенческий билет в
магию**

Анна Безсонова

**Квантовая хтонь или
студенческий билет в магию**

«Автор»

2026

Безсонова А.

Квантовая хтонь или студенческий билет в магию /
А. Безсонова — «Автор», 2026

Ироничная и теплая повесть о том , как древняя магия встречается с квантовой физикой, а деревня - с Москвой. И о том, что настоящая сила - не в амулетах из интернета , а в вере, которая не продается. Света перевелась из смоленского пединститута в Москву , на этнографический факультет. Она выросла в деревне, в традициях самобытности и аутентичности русской глубинки, а теперь хочет найти научное обоснование суевериям. Но Москва встречает ее не только книгами и лекциями : на факультете "орудует" Ксюша - инста-ведьма с амулетами с Алиэкспресс, скачанными гримуарами и верой в то, что магию можно купить по подписке. Между ними - молодой преподаватель Андрей Николаевич, который не знает , что у него есть "чуйка" на магию. И физик Саша , который утверждает, что заговоры- это просто настройка квантового наблюдателя на нужную частоту . Выбор пути всегда сложен, потому что иногда лучше остаться в суперпозиции.

© Безсонова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна Безсонова

Квантовая хтонь или студенческий билет в магию

ПРЕДИСЛОВИЕ

Смоленская деревня пахнет мокрой землёй, прелой листвой и дымом из печной трубы. А еще осенними яблоками и бабушкиными пирогами. Этот запах Света знала с рождения — он был таким же родным, как голос бабушки, как скрип половиц в избе, как тихое мычание коров за огородом. Она выросла здесь, среди полей и лесов, где каждый куст, каждая травинка имели своё имя и своё значение.

В последний вечер перед отъездом в Москву Света сидела на крыльце и смотрела, как солнце садится за дальний лес. Бабушка вышла следом, неся в руках две кружки с горячим чаем из лесных трав. Она села рядом, тяжело опершись на перила, и долго молчала, глядя на закат.

— Ну что, внучка, — сказала она наконец, и голос её был тихим, но твёрдым. — Завтра уезжаешь. В Москву. В большой город.

— Да, бабушка, — Света взяла кружку, грея ладони. — Я всё решила. Хочу учиться. Хочу понять, почему мы делаем так, как делаем. Почему ты заговариваешь коров, почему печёшь каравай на Осенины, почему рябину над дверью вешаешь И, если получится, найти этому научное объяснение.

Бабушка усмехнулась, но не зло — скорее с лёгкой горечью:

— Учёное объяснение, говоришь? А я тебе скажу, Светка: не всё нужно объяснять. Иное надо просто чувствовать. Как ветер чувствуешь, как воду в роднике. Ты вот вырастила в себе это чувство, а теперь хочешь разложить его по полочкам, как гербарий.

— Но я хочу, чтобы люди поняли, — Света повернулась к ней, чувствуя жар в груди. — Они называют это суевериями. Говорят, что мы тёмные, необразованные. А я знаю, что в этом есть правда. Ты же лечишь травами, когда врачи разводят руками. Ты же чувствуешь, когда гроза будет, за день. Это не просто так.

Бабушка помолчала. Потом протянула руку и сжала Светину ладонь — сухую, тёплую, но сильную.

— Слушай меня, — сказала она, и голос её стал ниже, почти шёпотом. — Я тебе сейчас скажу самое главное. Ты это запомни, Светка. Не на бумажку, не в телефон — а вот сюда, — она коснулась пальцем груди Светы, туда, где билось сердце. — Ты — из рода. Нашего, смоленского. Мы здесь жили и до татар, и до царей, и до советской власти. Мы всегда знали: земля — это не просто грязь, это мать. Вода — не просто жидкость, это жизнь. Огонь — не просто искра, это свет. А воздух — это дыхание предков. Ты это впитала с молоком, ты это чувствуешь каждой клеткой. Ты — хранительница.

Света почувствовала, как по спине пробежал холодок, а в груди разлилось тепло.

— Хранительница чего? — спросила она шёпотом.

— Хранительница памяти, — бабушка сжала её руку крепче. — Не книжной, не учёной — а живой. Той, которая передаётся через руки, через слова, через песни. Ты знаешь, когда сеять, когда жать, когда печь каравай, когда зажигать свечу. Ты знаешь, что рябина от сглаза, что крапива кровь чистит, а полынь — от лихорадки. Ты знаешь, что в Купальскую ночь нельзя спать, потому что нечисть гуляет. Ты знаешь, что в Осенины надо благодарить землю. Всё это — не суеверия, Светка. Это — наш язык. Язык, на котором мы разговариваем с миром.

— Но как же тогда найти этому объяснение? — Света чувствовала, как слёзы подступают к горлу. — Если я не смогу доказать это людям, они будут считать меня дурой. Деревенской необразованной дурой.

— А ты не доказывай, — усмехнулась бабушка. — Ты живи. Покажи им на деле. Пусть твоя жизнь будет доказательством. Пусть твои руки умеют и печь, и лечить, и беречь. Пусть твои слова имеют силу. И тогда они сами поймут. А если не поймут — их дело. Твоё дело — не потерять себя.

Она заглянула Свете в глаза, и Света увидела в них что-то древнее, бесконечное — как те леса, что тянутся за деревней до самого горизонта.

— Главное, внучка, — бабушка взяла её за подбородок, чуть приподняла лицо, — ничего не бойся. В Москве будет много чужого, много непонятного. Будут люди, которые будут смеяться, будут те, кто будут пытаться тебя сломать, переделать под себя. Но ты не ломайся. Ты помни: у тебя за спиной — все предки. Все, кто жил до тебя. Они с тобой. Они дают тебе силу. Ты не одна.

Света заплакала — тихо, беззвучно. Бабушка обняла её, прижала к своей груди, и в этом объятии было столько тепла, столько любви, что Света почувствовала себя маленькой девочкой, которая боится грозы и прячется под бабушкиным крылом.

— А мотанку ты возьми с собой, — сказала бабушка, когда Света перестала всхлипывать. — Я тебе её делала специально. В ней — моя рука, моё дыхание, моё благословение. Храни её. Она поможет тебе не забыть, кто ты. И она защитит тебя, когда будет трудно. Просто носи её с собой, под кофтой, у сердца. И да, ищи там СВОИХ, найти их там не просто, но духи места есть везде, найдешь...

Света кивнула, вытирая слёзы.

— Бабушка, а ты сама? Ты же останешься одна.

— Я не одна, — улыбнулась та. — У меня — дом, огород, корова, куры ну и соседи, будь они неладны! Они со мной каждый день. А ты — уезжай, учись. Возвращайся, когда будешь готова. И привози свои знания. Я буду ждать.

Они ещё долго сидели на крыльце, глядя, как темнеет небо, как зажигаются первые звёзды. Где-то далеко лаяла собака, и ветер шелестел листьями рябины, которую бабушка посадила ещё в Светино рождение.

Ночью Света лежала на старой кровати, смотрела в потолок и повторяла про себя бабушкины слова: «Помни, кто ты есть. Ничего не бойся. Не потеряй себя».

Она не знала, что ждёт её в Москве. Но знала — она не одна. У неё за спиной — целый род, целая земля, целая вера, которую нельзя уместить в учебники. И это давало ей силу.

Утром, когда она уезжала на попутке до города, бабушка стояла на крыльце и махала ей вслед. Света смотрела на маленькую фигурку, которая становилась всё меньше, и сжимала в кулаке заговорённую щепотку земли. Она знала: она вернётся. Но сначала — она должна найти свои ответы.

ГЛАВА 1. СТУДЕНТКА

Пахнет старыми книгами, дешёвыми духами и лёгким отчаянием. Московский этнографический факультет встретил её именно этим — тем особым, густым, чуть сладковатым воздухом, который бывает только в старых зданиях с историей. Света остановилась у массивных дверей с коваными ручками, напоминающими змеиные головы, и перевела дыхание. Она переехала из Смоленска, оставив позади общежитие педагогического института и теперь здесь, на Моховой, её ждала совсем другая жизнь — шумная, быстрая, чужая, и она боялась, что будет в ней лишней, как засохший цветок в пластиковом горшке. Но в рюкзаке лежала мотанка, переданная бабушкой «на счастье», маленькая льняная кукла с крестом вместо лица, хранившая

тепло её рук. А в кармане куртки — заговорённая щепотка земли с родного огорода, такая же сухая и родная, как голос бабушки. С ними Света чувствовала себя не беззащитной, а скорее тайной воительницей: она приехала не просто учиться — она приехала понять, почему те простые, деревенские истины называют суевериями. Она хотела найти им научную основу. Перевести язык интуиции, язык трав и ветра, на язык фактов, формул и академических ссылок.

Смоленск остался позади, но бабушкины наставления звучали в ушах так же отчётливо: «Смотри, Светка, — говорила она, — Ты там, в Москве, учёная будешь. А я тебе одно скажу: ты и сама по себе — учёная. Ты же многое умеешь - и кровь дурную заговорить, и испуг у ребенка смыть, хворобу на нитку переложить да и другое там всяко разное. Найди там — как это работает. А то всё "суеверия, суеверия". Суеверия — это когда без веры, а у нас — вера. У нас — знание. Не спутай».

Света кивнула своим мыслям, чувствуя, как внутри поднимается тёплая волна решимости, и шагнула внутрь. Коридоры факультета оказались именно такими, как она представляла — высокими, с лепниной на потолках, покрытых пылью времени, и запахом старой бумаги и воска, который смешивался с лёгким ароматом духов, оставленных студентками. Никаких «евроремонтов» — всё подлинное, дышащее историей, как и должно быть в месте, где изучают прошлое. Она сразу полюбила это место — безоглядно, по-деревенски, всей душой. Осталось найти аудиторию 203 и доказать самой себе, что она здесь не случайно.

Она уже почти дошла до цели, когда из-за угла, словно из тревожного сна, вынырнула высокая фигура в длинном плаще, расшитом серебряными нитями, напоминающими паутину. Девушка двигалась с театральной медлительностью, будто не шла, а возглавляла траурную процессию. Её чёрное платье с люрексом переливалось в тусклом свете ламп, как змеиная чешуя. На шее у неё висело несколько амулетов: глаз Гора из дешёвого пластика, купленный в ларьке у метро, пентаграмма с Алиэксспресс, которая уже начала облупливаться, и какой-то африканский гри-гри, который она явно приобрела в лавке «Всё для магии», даже не удосужившись узнать, что это вообще такое. Вся её оккультная экипировка выглядела как результат бездумного шопинга по хештегам #магия #ведьма #сила — набор «Собери ведьму за 5000 рублей». За плечом у неё болталась огромная чёрная сумка, из которой торчала резная трость — явно не для опоры, а для устрашения.

Их взгляды встретились. Света почувствовала, как по спине пробежал холодок, хотя в коридоре было тепло — даже душно от старого отопления. Это было не испуг — скорее узнавание, как будто она наткнулась на невидимую стену, сотканную из сухого, колючего воздуха. От девушки в чёрном исходила беспокойная, жаркая энергия — слишком резкая для этого места, слишком нарочитая. Но при этом — странное дело — от неё исходила вполне реальная, почти осязаемая тёмная энергия, как будто сама Вселенная смеялась над её попытками и отзывалась на её путанные заклинания просто потому, что они были громкими и наглыми. Света почувствовала это сразу: лёгкий холодок, смешанный с запахом дешёвого ладана и палёного сахара. Она бы рассмеялась, но это ж неприлично.

Девушка тоже остановилась. Она прищурилась, чуть склонила голову набок, и на её губах заиграла лёгкая, насмешливая улыбка. Света поняла: та чувствует то же самое. Не словами — кожей, внутренним чутьём, которое не обманешь. Каждая поняла: перед ней — практик. Но какая — это ещё предстояло узнать.

— Новенькая? — спросила девушка, и голос её был низким, чуть с хрипотцой, как у человека, который много курит или много говорит шёпотом.

— Да, — ответила Света ровно, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Перевелась сегодня. Света.

— Ксюша, — кивнула та, поправляя тяжёлый кулон на груди. — А ты чего так смотришь? Словно привидение увидела. Или, может, душу мою почувствовала?

— Просто ты... необычно выглядишь, — вежливо сказала Света, стараясь не выдать удивления от такой прямоты. — Для этнографического.

— Этнография — это как раз про необычное, — парировала Ксюша, и её глаза блеснули в полумраке. — Я, знаешь ли, изучаю магические практики всех народов. Вуду, гримуары, шаманизм... А ты чем интересуешься? Или, может, кого-то уже ищешь?

— Славянской обрядностью, — ответила Света, чувствуя, как мотанка под кофтой чуть нагрелась, будто одобряя её слова. — Я родом из Смоленской деревни. У нас это не просто изучают — у нас это живёт. Дышит. Двигается вместе с солнцем.

Ксюша приподняла бровь, и её улыбка стала чуть шире — но не добрее.

— Ах, из самой глубинки? Практикующая, значит? — в её голосе послышалась ирония, но Света уловила и настороженность. — Ну, у каждой деревни — своя правда. Только моя правда шире. Я соединяю традиции. А вы, северяне, всё замыкаетесь на своих берёзках да соломенных чучелах. Какая скука...

— У каждой традиции — свой корень, — спокойно ответила Света, сжав в кармане заговорённую землю. — Если корни смешать, дерево не вырастет. Получится каша. Или, как говорят у нас, «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Ксюша усмехнулась, но в глазах мелькнула колючая искра — как от удара кремня о сталь.

— Увидим, чья каша вкуснее, — сказала она, поправила свой плащ, накинула капюшон на голову, отчего стала похожа на персонажа из готического романа, и, не прощаясь, скользнула мимо Светы в сторону аудитории, оставив за собой шлейф запаха полыни или табака.

Света проводила её взглядом, чувствуя, как внутри закипает странное предчувствие. Она уже поняла: эта встреча — не случайность. И впереди будет не просто учёба.

Она вошла в аудиторию за несколько минут до начала и села на второй ряд — так, чтобы видеть всех и не быть слишком заметной. Полукруглые ряды, портреты профессоров с серьёзными лицами, карты расселения народов, пожелтевшие от времени. Всё чинно, академично, с лёгким налётом торжественности. Света достала тетрадь, поправила мотанку под кофтой, успокаивая себя её теплом, и вздохнула.

Она покосилась на своё отражение в грязном стекле окна и мысленно поморщилась. Светлое платье, которое привезла из дома, выглядело слишком деревенским, волосы, собранные в небрежный пучок, казались неухоженными, а под глазами залегли тени от бессонной ночи. Вокруг неё сидели московские девушки — ухоженные, стильные, с идеальными маникюрами и лёгким макияжем, которые пахли дорогими духами и уверенностью. Света чувствовала себя белой вороной, и это было неприятно.

«Надо что-то менять», — подумала она, и в голове промелькнула мысль, которую она раньше не допускала.

Она вспомнила, как в коридоре восхищалась фигурой какой-то старшекурсницы: «Наверняка она в зал ходит, на правильном питании сидит, вот и выглядит как картинка». Света тогда не придавала этому значения, но сейчас эта мысль в голове застряла, как заноза. Может быть, ей тоже стоит попробовать? Не для того, чтобы стать «как все», а чтобы стать лучшей версией себя.

Она решила: с завтрашнего дня она начнёт. И заодно пересмотрит свой гардероб.

Дверь снова открылась, и в аудиторию вошла Ксюша, словно чёрная молния, разрезавшая серый утренний свет. Она прошла через весь ряд, не оглядываясь, и села через два места от Светы, с шумом раскрыла свой «Гримуар папы Гонория» — книгу с потёртым переплётом, которую, судя по виду, скачали с торрента и распечатали на домашнем принтере, — и демонстративно положила на стол восковую фигурку, перемотанную красной нитью. Света покосилась на неё, но промолчала, чувствуя, как воздух между ними загустевает от напряжения. Напряжение между ними ощущалось физически, как духота перед грозой — когда воздух становится тяжёлым и трудно дышать.

Вошли другие студенты, зашумели, зашелестели конспектами, кто-то громко чихнул, кто-то засмеялся, разряжая обстановку. Ксюша взирала на всех с мрачным величием, Света — с вежливым спокойствием, но внутри у неё всё дрожало от волнения.

И тут вошёл Андрей Николаевич.

Он был молод — лет двадцать семь, не больше, с лёгкой небритостью, которая придавала ему немного небрежный, но привлекательный вид. Светлый свитер, неброские очки, волосы слегка взлохмачены — он выглядел как человек, который только что вышел из библиотеки и забыл причесаться. В руках — папка с бумагами и кружка с дымящимся чаем, от которого по аудитории поплыл аромат мяты и мёда. Он окинул аудиторию быстрым, но внимательным взглядом и улыбнулся — мягко, чуть иронично, как человек, который любит свою работу и знает, что делает.

— Доброе утро, — сказал он, ставя кружку на кафедру и поправляя очки. — Кто забыл, напомню - я ваш преподаватель, Андрей Николаевич. Сегодня у нас новая студентка, я правильно понимаю? — он посмотрел на Свету, и в его взгляде мелькнуло любопытство, смешанное с лёгкой теплотой.

— Светлана, — ответила она, чувствуя, как теплеют щёки от всеобщего внимания. — Перевелась из Смоленска.

— Прекрасно, — кивнул он, слегка задержав на ней взгляд, словно запоминая черты её лица. — Сразу видно — человек с живым интересом. А вы, Ксюша, я вижу, уже принесли свои... необычные материалы? — он перевёл взгляд на Ксюшу, и в голосе послышалась лёгкая, почти дружеская насмешка.

— Только самое лучшее, Андрей Николаевич, — ответила Ксюша, встряхнув гримуаром так, что из него выпала засохшая травинка. — Настоящие древние тексты. Не то что эти... современные пересказы.

— О, я вижу, — усмехнулся он, поднимая упавшую травинку и рассматривая её с любопытством. — Вы у нас коллекционер. Это похвально. Но, прошу вас, на семинаре всё же держитесь в рамках программы. Договорились?

Ксюша недовольно поджала губы, но кивнула, убирая травинку в карман. Андрей перевёл взгляд на Свету, и в нём снова промелькнула та же тёплая искра, от которой у неё на душе стало легче и светлее.

— Что ж, начнём. Сегодня у нас тема, которая, надеюсь, будет вам обеим особенно близка. Праздник осеннего равноденствия. — Он повернулся к доске и написал несколько названий мелом, который слегка крошился, оставляя белые следы на его пальцах. — Таусень, Овсень, Радогощь. У этого праздника много имён, в зависимости от местности. Но суть одна. Это один из четырёх главных солнечных праздников в году, наряду с Колядой, Масленицей и Купалой. И, Светлана, раз вы из тех мест, где обряды живы, что бы вы сказали о значении этого дня?

Света немного смешалась под взглядами всей аудитории, но собралась, чувствуя, как слова сами собой приходят на ум:

— У нас в деревне это называли просто — Осенины. День, когда заканчивается уборка урожая, когда земля устаёт и просит отдыха. Пекли каравай из муки нового урожая — пышный, золотистый, пахнувший солнцем и полем. Варили кашу и угощали всех, кто помогал в работах. На стол ставили яблоки, мёд, грибы, всё, что земля дала. А ещё пекли пироги — с капустой, чтобы деньги водились, с мясом — для силы, с ягодами — для любви. И обязательно украшали дом рябиной, её яркими гроздьями — чтобы зло не проникло, чтобы сглаз не пришёл. Бабушка говорила, что в этот день день и ночь равны, и надо успеть поблагодарить землю за урожай, пока тёмное время не наступило. А если не поблагодаришь — земля обидится, и на следующий год урожай будет скудным.

— Отлично, — Андрей одобрительно кивнул, и его глаза засияли интересом. — Именно так: благодарность и подготовка к зиме. Символы праздника — зерно, хлеб, каша. Всё, что дала земля. Это время подведения итогов, время, когда человек смотрит на свои дела и решает, правильно ли он жил. А вы, Ксюша? Ваш взгляд? Вы, кажется, тоже хотели добавить что-то из своих источников?

Ксюша откинулась на стуле, поигрывая кулоном с пентаграммой, и её глаза загорелись азартом:

— Я считаю, что это был ритуал умилоствления тёмных сил, — произнесла она с вызовом, и голос её звучал как у проповедника. — Равноденствие — момент, когда границы между мирами истончаются. Наши предки не просто благодарили — они боялись. Они чувствовали, что в этот день нечисть может выйти из своих углов и начать охоту. Поэтому и зажигали огонь в домах, и ходили на могилы предков, чтобы задобрить тех, кто уже ушёл. А ещё — хоронили муху. Девушки делали гробик из репы и закапывали его, чтобы быстрее выйти замуж. Это же явный отголосок жертвоприношения, обряда, который должен был откупиться от смерти!

— И это интересная версия, — Андрей улыбнулся обеим, и в его улыбке было искреннее удовольствие от спора. — Видите, как по-разному можно смотреть на одно явление. Светлана видит диалог с землёй и благодарность. Ксюша — защиту от тьмы и умилоствление предков. Наверное, в этом и есть суть этнографии — понять, почему у разных культур, и даже у разных деревень, разные ответы на одни и те же вопросы.

Он говорил легко, с живым интересом, и Света чувствовала, что он обращается не к аудитории вообще, а лично к ним двоим — и к ней, и к Ксюше. Как будто они были его любимыми ученицами, и он одинаково ценил их оба подхода. От этого на душе у Светы стало тепло и радостно, но она видела, как Ксюша сжала кулаки под столом — ревность уже начинала свою работу.

После пары Света собирала вещи, когда к ней подошла Ксюша. Она встала перед ней, загораживая свет из окна.

— Неплохо ты держалась, — сказала Ксюша с лёгкой усмешкой, но в голосе звучало напряжение. — Для деревенской.

— Спасибо, — Света улыбнулась, стараясь не показывать, что её раздражает этот тон. — Ты тоже... впечатляешь. Особенно с репой и мухами.

— Я знаю, — Ксюша поправила амулеты, и они звякнули. — Андрей Николаевич явно заинтригован. И мной, и тобой. Посмотрим, кому он отдаст предпочтение. Только не думай, что твои пироги и караваи его соблазнят.

Света лишь пожала плечами, чувствуя, как внутри поднимается спокойная уверенность:

— Это его выбор. А у меня другие цели.

Ксюша фыркнула, отвернулась и удалилась, оставив за собой шлейф чёрной ткани и запах сухих трав, который смешивался с привычным запахом старого здания. Света посмотрела ей вслед, и на душе у неё смешались тревога и решимость.

«Ну, бабушка, — мысленно сказала она, выходя в коридор, залитый тусклым светом осеннего дня, — первый день в столице. Похоже, я вляпалась во что-то серьёзное. Но я не отступлю».

Она направилась в библиотеку — искать ответы на вопросы, которые ещё не успела задать, чувствуя, как мотанка под кофтой становится всё теплее, словно давая ей обещание защиты и силы.

Глава 2

БИБЛИОТЕКА

Библиотека этнографического факультета находилась на третьем этаже, в самом конце длинного коридора с высокими окнами, сквозь которые лился тусклый, пыльный свет осеннего дня. Света шла по скрипучим половицам, которые жалобно стонали под её шагами, и чувствовала, как с каждой минутой её дыхание становится спокойнее. После утренней встречи с Ксюшей, после той первой лекции, где воздух между ними искрил от напряжения, внутри у неё всё ещё гулял лёгкий озноб, но теперь, среди книжных шкафов, которые уходили под самый потолок, он начинал уступать место тихому предвкушению, почти благоговению.

Она толкнула тяжёлую дубовую дверь, и та поддалась с лёгким, протяжным скрипом, словно приветствуя её. Библиотека оказалась именно такой, как ей мечталось: старый зал с высокими сводчатыми потолками, где лепнина на потолке изображала виноградные гроздья и античных муз, стрельчатыми окнами, вдоль которых стояли массивные столы с зелёными лампами, похожими на огромные светлячки. В воздухе висела особая тишина — та, что бывает только в местах, где столетиями хранят слова, где каждая книга дышит временем и памятью. Книги стояли плотными рядами, некоторые были настолько старыми, что их корешки рассыпались в пыль при малейшем прикосновении, и от них исходил тот самый запах — смесь пыли, бумаги и чуть уловимой сладости, которую Света обожала с детства.

Она перевела дух, чувствуя, как напряжение в плечах начинает отпускать, и направилась к столу библиотекаря. За ним сидела пожилая женщина в круглых очках с толстыми стёклами, которые делали её глаза похожими на глаза мудрой совы. Она сосредоточенно вязала что-то серое, бесконечное, и одновременно внимательно следила за входом — как сторожевой пёс, который не спит, даже когда кажется, что дремлет. На бейджике значилось: «Зинаида Петровна, старший библиотекарь, хранительница мудрости и порядка».

— Здравствуйте, — сказала Света, стараясь говорить тихо, как здесь было принято, чтобы не нарушить вековую тишину. — Я Светлана, первокурсница. Мне нужны материалы по славянской календарной обрядности, особенно по осенним праздникам.

Библиотекарь отложила вязание, сняла очки, протёрла их платком и внимательно посмотрела на Свету поверх оправы — взгляд у неё был цепкий и проницательный.

— Осенние праздники, говоришь, — голос у неё был низкий, чуть хриловатый, как у человека, который много лет вдыхает книжную пыль. — Конкретнее. Что именно тебя интересует?

— Равноденствие, — быстро ответила Света. — Осенины. Таусень, Овсень, Радогощь. Обряды, ритуалы, символы. И ещё — практические аспекты. Как это работало в деревнях, как было связано с земледелием, с бытом, народное творчество, фольклор, чем больше-тем лучше.

Зинаида Петровна кивнула, и в этом кивке мелькнуло что-то похожее на одобрение — как будто Света прошла невидимый экзамен.

— Редко сейчас первокурсники приходят с такими запросами. Обычно им нужны готовые рефераты, скачанные из интернета — сказала она с лёгкой усмешкой. — А ты — конкретно, по делу, чувствуется, что из тех мест, где обряды ещё живы. Иди в третий зал, секция «Народная культура», шкафы сорок семь—пятьдесят два. Там есть сборники полевых записей, этнографические очерки российских губерний, работы Проппа, Рыбакова. Если нужно что-то более глубокое — спроси у меня, есть особый фонд, куда студентов обычно не пускают.

— Спасибо, — Света улыбнулась и уже повернулась уйти, но библиотекарь остановила её взглядом.

— Светлана, а ты сама откуда? Не из Москвы, сразу видно — по глазам и по тому, как говоришь.

— Из Смоленской области, — ответила Света, чувствуя, как от этого вопроса внутри разливается лёгкая ностальгия. — Из деревни.

Зинаида Петровна снова сняла очки и протёрла их платком, и в этом жесте было что-то узнающее, почти родное, неуловимое.

— Я тоже родом из-под Смоленска. Только давно, — голос её стал мягче, почти шёпотом, и глаза затуманились воспоминаниями. — Там своя земля, своя сила. Ты, видно, знаешь это. Иди, иди, ищи. Я тут, если что. Если найдёшь что-то особенное — покажешь мне. Я люблю такие находки.

Света благодарно кивнула и отправилась в указанное крыло.

Третий зал оказался просторнее, чем она ожидала, и почти пустым. Только в самом углу сидела девушка с ноутбуком и наушниками, увлечённо печатающая что-то, но она не подняла головы, когда Света вошла, погружённая в свой мир.

Света нашла шкафы сорок семь—пятьдесят два и замерла в восхищении, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. Сотни томов, от тонких брошюр с обтрепанными корешками до фолиантов в кожаных переплётах, потёртых временем и руками читателей. Её пальцы пробежали по корешкам, читали названия, и от каждого прикосновения внутри рождалось что-то тёплое: «Календарные обряды восточных славян», «Народный календарь», «Вологодские этнографические записки», «Ритуалы переходного периода». Всё это было именно тем, что она искала — голосами тех, кто жил до неё, кто пел те же песни и шептал те же заговоры.

Она сняла с полки несколько книг, села у окна и зажгла настольную лампу с зелёным абажуром, который отбрасывал мягкий, уютный свет на страницы.

Это был сборник полевых записей конца XIX века. На пожелтевших, хрупких страницах были описаны осенние обряды Смоленской губернии. Света читала с жадностью, чувствуя, как перед ней оживают знакомые картины: как в деревне убирали урожай, как пекли каравай из нового зерна — пышный, румяный, пахнущий солнцем и счастьем, как устраивали «братчину» — совместную трапезу всех, кто работал в поле, когда от усталости и радости на лицах появлялись улыбки. В тексте было много подробностей, которых она не знала: например, что в некоторых местах в день равноденствия клали под подушку колоски, чтобы увидеть вещий сон, а в других — катали по полу яблоки, чтобы скорее выйти замуж, и от этих описаний веяло чем-то древним, почти забытым.

Она делала заметки в тетради — аккуратно, старательно, как учили в школе, — чувствуя, как внутри разрастается тихая радость: она на верном пути. Эти записи, сделанные больше ста лет назад, были живыми свидетельствами того, что бабушкины рассказы — не просто суеверия, а часть большого, сложного мира, где человек и природа говорили на одном языке, где каждое слово имело вес, а каждый жест — значение.

Она не знала, сколько времени прошло, когда её отвлёк мягкий, почти беззвучный звук шагов, и лёгкий аромат мяты, который поплыл по воздуху. Она подняла голову — перед ней стоял Андрей Николаевич, держа в руках стопку книг и ту самую кружку с чаем, от которой поднимался пар. Он улыбался ей, и в этой улыбке было что-то тёплое, почти интимное.

— Светлана, — произнёс он, и его голос прозвучал как мягкая нота в тишине библиотеки. — Узнал ваш взгляд, напряжённый и внимательный, даже со спины. Рад видеть, что моё задание так... увлекло вас. Книги наши нашли? Или заблудились в этом лабиринте мудрости?

Света почувствовала, как кровь прилила к щекам, делая их горячими, и чуть не опрокинула стопку книг, но вовремя придержала их рукой, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Андрей Николаевич! Я... да, я нашла. Здесь столько материалов! — она показала на стопку тетрадей и книг, разложенных перед ней. — Я даже не знала, что столько всего записано про смоленские обряды. Вы не представляете, как это важно для меня.

— Почему же не представляю? — он поставил кружку на край стола и присел на стул напротив неё, нисколько не спрашивая разрешения, словно это было само собой разумею-

щимся. — Я и сам увлёкся этой темой, когда был студентом. Особенно меня всегда привлекал «рациональный слой» в этих обрядах. То самое, о чём я говорил на семинаре. Вот, например, — он взял одну из книг, лежащую на столе, и быстро нашёл нужную страницу, перелистывая её с лёгкостью человека, который знает, что ищет, — здесь написано, что перед началом жатвы крестьяне оставляли на поле несжатые колоски — «пережин». Сейчас это объясняют данью духам поля. Но с другой стороны, это ведь и примитивное удобрение: колоски оставались на поле, перегнивали и обогащали почву. Предки были умнее, чем мы думаем.

Света смотрела на него, слушала и понимала, что он говорит именно о том, о чём она думала ещё вчера, сидя на крыльце в деревне. Он смотрел на традиции не как на архаику, не как на пыльные страницы истории, а как на систему, которая работала веками. И это было ей близко.

— Да, — оживилась она, чувствуя, как внутри загорается огонёк вдохновения. — Моя бабушка всегда оставляла часть урожая на поле. И не объясняла почему — просто делала, как делали её мать и бабушка. Она говорила: «Так треба». А когда я её спросила, почему, она ответила: «Земле ж тоже надо отдохнуть. И вернуть долг. Нельзя только брать, надо и отдавать». Вот тут, — Света указала пальцем в книгу, где был отмечен нужный абзац, — записано почти то же самое: жертвенный хлеб и пироги для земли, чтобы она не оскудела на следующий год. Как будто они договаривались, а не просто брали.

Андрей кивнул, и в его глазах зажглось живое любопытство, от которого у Светы перехватило дыхание. Он подвинул стул ближе, и она почувствовала запах его одеколона — свежий, с нотками цитруса и дерева — и посмотрел на её записи:

— А вы, Светлана, уже и заметки успели сделать? Можно взглянуть? Я обещаю — только с профессиональным интересом, без оценки почерка. Хотя, судя по всему, почерк у вас аккуратный.

— Конечно, — Света протянула тетрадь, чувствуя лёгкое смущение, которое смешивалось с гордостью. — Это пока черновики, просто наброски, но я хочу изучить это глубже. У меня есть несколько идей, которые я хочу проверить.

Андрей пробежал глазами по страницам, и Света заметила, как его брови чуть приподнялись от удивления.

— Здесь есть раздел про «похороны мухи»? — он взглянул на неё с улыбкой, в которой читалось искреннее восхищение. — Даже так? Это я, видимо, успел заинтриговать вас на паре. Но, между прочим, тема стоящая. У вас там гипотеза, что ритуал связан с психологическим переходом от лета к осени, от беспокойства к покою. Уже добротный подход для курсовой. А вот это, — он показал на другой пункт, — вы пишете, что осенние пироги с разными начинками символизировали... разные сферы жизни?

— Ну да, — Света чувствовала себя немного неуверенно, но продолжала, потому что видела его искренний интерес. — В Смоленской области я знаю, что пирог с капустой пекли, чтобы деньги водились, с мясом — для мужской силы, с ягодами — для любви. Это ведь прямая аналогия, как человек, который должен быть цельным в разных сферах. Я подумала, что это не просто вкусоности, а целая система питания, связанная с социальными ролями.

— Абсолютно верно, — Андрей одобрительно кивнул, и его глаза засияли. — Это, кстати, ещё один отличный ракурс для вашего исследования: этнография питания и её символическая связь с социальными ролями. Очень впечатляет, что вы с ходу замечаете такие корреляции. Я бы посоветовал вам ещё работы Байбурина о семиотике народной культуры. У нас, кажется, есть его монография в фонде. Спросите у Зинаиды Петровны, она найдёт. Скажите, что я прислал.

Он задержал взгляд на её страницах, затем перевёл его на неё, и в этом взгляде было что-то такое, что заставило сердце Светы биться быстрее — не академический интерес, а что-то более личное.

— Я правда рад, что вы перевелись к нам, — сказал он тише, и голос его стал мягче, почти шёпотом. — Такие студенты, как вы, с живым знанием, не просто слушают — они уже понимают. Это редкость. И, честно говоря, именно ради таких встреч я и сам когда-то пошёл преподавать. Чтобы видеть, как загораются глаза, когда человек находит своё.

Света почувствовала, как внутри разливается тепло, и поспешно опустила взгляд в тетрадь, чтобы скрыть румянец, который залил её щёки. Она листала страницы, но уже почти не видела текста, чувствуя только его присутствие рядом.

— Я... я хочу разобраться в этом до конца, — сказала она наконец, и голос её чуть дрогнул от волнения.

— Это прекрасная цель, — Андрей встал, но перед уходом мягко задержал руку на спинке её стула, и Света почувствовала его близость. — Если вам понадобится помощь, или просто захочется обсудить — мой кабинет всегда открыт. Я часто тут сижу, особенно вечерами, когда в здании тихо и можно думать. Приходите, не стесняйтесь.

— Спасибо, — Света почувствовала, что её голос чуть дрожит, и она подняла на него глаза, встречая его улыбку.

Андрей собрал свои книги и пошёл к выходу, но на мгновение задержался у двери, обернувшись через плечо:

— И ещё, Светлана. Не дайте академической сухости убить в себе это живое знание. Ваша бабушка была права: иногда лучше чувствовать, чем доказывать. И не бойтесь быть собой в этом городе — он нуждается в таких, как вы.

Он вышел, оставив за собой мягкий шум шагов, которые быстро затихли в коридоре, и лёгкий аромат чая с мятой. Света долго смотрела на закрывшуюся дверь, чувствуя, как сердце стучит громче обычного, а на губах играет глупая улыбка.

Она вернулась к книгам, но мысли её были далеко. Она думала о том, как выглядела сегодня — простенькое платье, небрежная причёска, никакой косметики. А рядом с ней, в этой же библиотеке, сидели девушки, которые явно тратили на себя время и деньги. И Андрей смотрел на неё с теплотой, но что, если завтра он встретит кого-то более ухоженного, более современного, более «московитого»?

Она взяла телефон и, недолго думая, открыла приложение с тренировками, которое видела у Лены, соседки по общежитию. «Бег для начинающих», «Йога для гибкости», «Питание для энергии» — всё это было как будто из другого мира. Но Света решила: она попробует. Не для того, чтобы стать другой, а чтобы почувствовать себя сильнее. И чтобы, глядя в зеркало, видеть не уставшую деревенскую девочку, а девушку, которая готова покорять этот город.

Она записалась через приложение на пробную тренировку в спортзал рядом с общежитием на завтрашнее утро, чувствуя, как внутри поднимается волна решимости, смешанная с лёгким страхом. Она почти не заметила, как пролетели два часа, пока не услышала рядом тихий шорох, похожий на шелест сухих листьев.

Ксюша возникла внезапно, как чёрная тень из угла, прислонившись плечом к шкафу и сложив руки на груди. Она смотрела на Свету с лёгкой усмешкой, которая не предвещала ничего хорошего. Её рука покоилась на резном набалдашнике трости, и в полумраке библиотеки она выглядела почти как персонаж готического романа, сошедший со страниц.

— Я смотрю, ты уже освоилась, — сказала она, и в её голосе звучала едва скрытая насмешка, как капля яда в сладком напитке. — Андрей Николаевич прямо-таки зачаровал тебя, да? Так и светится, когда говорит с тобой. Я видела, как он смотрел на тебя. Мне не нужны гримуары, чтобы это заметить.

— Мы просто обсуждали обряды, — ответила Света ровно, стараясь не выдать волнения, хотя внутри всё сжалось. — У нас есть общие темы. Научные.

— Общие темы, — Ксюша усмехнулась и провела пальцем по корешку книги, оставляя на нём невидимый след. — У вас у всех «общие темы». А ты даже не понимаешь, что он...

особенный. Не просто преподаватель. Он чувствует магию. У него есть «слух». И он ищет того, кто её не боится. И я думаю, он уже нашёл — или думает, что нашёл.

Света нахмурилась, чувствуя, как внутри поднимается тревога.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, — Ксюша подошла ближе и присела на край стола, оказавшись почти вплотную, и Света почувствовала запах полыни и старого воска, — что не все его студентки — просто студентки. И я не для того пришла на этот факультет, чтобы просто слушать лекции. У меня своя цель. И ты, деревенская девочка, мне не помешаешь.

Она резко встала, поправила чёрный плащ, взметнувшийся как крыло ночной птицы, и, не оборачиваясь, пошла к выходу.

Света проводила её взглядом, чувствуя, как в груди снова закипает тревога, смешанная с решимостью. Она перевела дух и взяла в руки оберег-мотанку, лежавшую рядом с тетрадью, сжала её в ладони, чувствуя, как от неё исходит ровное тепло.

«Бабушка, — прошептала она, — ты знала, что здесь всё так сложно? Что я встречу не просто соперницу, а целую ведьму с амбициями?»

Но мотанка молчала. Только её льняное лицо с крестом вместо глаз смотрело на Свету сквозь время, напоминая: помни, кто ты. И ничего не бойся.

Света глубоко вздохнула, чувствуя, как внутри появляется спокойствие, и снова вернулась к книгам. Впереди было много работы. И она собиралась сделать её хорошо — как учила бабушка, как подсказывало сердце.

Света закрыла за собой дверь комнаты и обессиленно прислонилась к косяку. День выдался длинным, как целая жизнь... Голова шла кругом. Она скинула куртку, бросила рюкзак на стул и уже хотела рухнуть на кровать, но вдруг замерла.

Что-то было не так.

Она нахмурилась и оглядела комнату. Вроде бы всё на своих местах: аккуратно заправленная кровать, стопка учебников на подоконнике, засохшая герань в горшке. Но внутренний голос, тот самый, который бабушка называла «живым чутьём», отчаянно сигнализировал: здесь кто-то был.

Света подошла к столу. Её тетради лежали ровно, но она точно помнила, что оставляла их по-другому — синюю поверх зелёной, а сейчас они были передвинуты. Она открыла ящик — вещи внутри лежали аккуратно, но из-под стопки белья выглядывал уголок бабушкиной коробочки с травами. Света вытащила её. Коробочка была закрыта, но завязки на холщовом мешочке были перевязаны иначе — не тем узлом, каким завязывала она сама.

Сердце ёкнуло.

— Что ты искала? — прошептала она в пустоту, хотя уже знала ответ.

Света проверила всё: тумбочку, сумку, полку с книгами. Ничего не пропало, но каждая вещь была чуть смещена, как будто их перебирали, торопясь и стараясь не оставить следов. Только мотанка, которую она носила на груди, осталась нетронутой — но Света чувствовала, что она нагрелась чуть сильнее обычного, словно оберег тоже почувствовал чужое прикосновение.

Она села на кровать, сжимая мотанку в руках, и закрыла глаза. В голове проносились лица: Ксюша с её амулетами, её наглый взгляд, её слова о том, что она «не для того пришла на этот факультет». Света не была параноиком, но чутьё её не подводило никогда.

Через несколько минут в коридоре послышались шаги, а затем тихий стук в дверь. На пороге стояли Лена и Даша, с которыми она перекинулась парой слов при заселении. Они выглядели встревоженными.

— Света, — тихо сказала Лена, заглядывая в комнату, — мы не хотели лезть, но... ты только что приходила, да? А мы видели, как Ксюша заходила сюда, когда тебя не было. Она

была здесь минут пять, не меньше. Мы не знали, что делать, но потом решили — лучше сказать тебе. Она что-то искала. Мы видели, как она выходила с твоей сумкой, потом зашла обратно и положила ее на место.

— Спасибо, — Света с трудом выдавила из себя улыбку. — Спасибо, что сказали.

— Ты осторожнее с ней, — шепнула Даша, оглядываясь по сторонам. — Говорят, она не просто так у нас учится. У неё там... ну, ты поняла. Мы слышали, она куклами всякими занимается. Будь осторожна.

Девушки ушли, а Света закрыла дверь и снова села на кровать, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Ксюша. Она рылась в её вещах. Она искала что-то — может быть, саму мотанку, может быть, бабушкины записи, а может быть, просто хотела понять, с кем имеет дело. Но факт оставался фактом: её личное пространство было нарушено.

Света снова взяла коробочку с травами и открыла её. Внутри лежали пучки полыни, крапивы, сухие берёзовые листья — всё, что она привезла из деревни. Ксюша перебирала это. Света почувствовала, как внутри поднимается волна гнева, смешанного с решимостью. Она не позволит запугать себя. Она не позволит кому-то лезть в её жизнь и в её веру.

Вот только одно сомнение грызло её изнутри: сама Ксюша, похоже, понятия не имела, что делала. Её ритуалы были кривыми, её знания — обрывочными, как лоскутное одеяло, сшитое на скорую руку. Но при этом — странное дело — они работали. Света вспомнила слова Лены про октябрьские огурцы и насланный дождь. Это было почти смешно. Почти. Но Ксюша продолжала шуметь в пустоту так громко, что пустота оборачивалась на неё.

Света вздохнула и посмотрела на мотанку. Та лежала в её ладони, и от неё исходило ровное, спокойное тепло, как от печи в родном доме.

— Мы справимся, — прошептала она.

Она легла на кровать, чувствуя, как усталость накрывает её тёплой волной. Кукла-мотанка лежала под подушкой, и в её тёплом молчании было обещание защиты и сил.

Света закрыла глаза и провалилась в сон.

Ей приснилось, что она снова маленькая. Лет пяти, не больше. Она сидит на полу в бабушкиной избе, а за окном — тихий, светлый вечер, уже почти ночь. На столе, рядом с печкой, стоит деревянная плочка с шерстяной куделью. Бабушка сидит за веретеном, её руки, сухие и тёплые, спокойно перебирают волокна. Веретено крутится ровно, монотонно, издавая тихое жужжание — звук, знакомый с самого детства.

— Ну чего уставилась, Светка? — бабушка улыбается, не поворачивая головы. — Смотри сюда, запоминай. Пригодится.

Маленькая Света пододвигается ближе, усаживается на скамеечку у бабушкиных ног. Та протягивает ей кусочек кудели:

— Потрогай. Хорошая шерсть? С овцы нашей, с Маньки, я в прошлом году начесала. Рукодельная, тёплая. Для куколки бережной только такое и годится — своё, домашнее, рукотворное.

— Бабушка, а зачем мы куколку делаем? — спрашивает Света.

— А затем, внученька, что человеку в мире без оберега нельзя, — бабушка берёт в руки веретено и показывает ей, как крутить. — Смотри: ниточку мотать надо непременно посолонь — по солнышку, чтобы силушку набирать защитную. А ежели против солнышка — то ты не оберег творишь, а наоборот, худое на себя тянешь. Поняла? Запомни — посолонь, дуреха, ты ж набираешь силушку, а не сымаешь!

Бабушка протягивает ей веретено — небольшое, лёгкое, выточенное из светлого дерева. Света берёт его, чувствуя, как оно удобно ложится в ладонь.

— А это из чего веретено? — спрашивает она.

— Из липки, — отвечает бабушка. — Липа — дерево мягкое, доброе, оно к рукам ластится. Для доброго дела — липу бери. А для оберега, что от лихого человека ставить — берёзу. Но мы с тобой пока учимся, так что липа сойдёт. Хотя, — она задумчиво наклоняет голову, — если на сурьёзное дело куклу делать, то и работу надобно на рост луны зачинать. На молодой месяц — доброе начинать, на ущерб — плохое заканчивать. Ты это тоже запомни, Светка.

Света кивает, стараясь не упустить ни слова. Бабушка берёт её маленькую ладошку в свою и направляет руку с веретеном:

— Ну, давай, крути. Не торопись. Чувствуешь, как ниточка тянется? Это ты силу в неё вплетаешь. А теперь — наговаривай.

— Что наговаривать? — Света поднимает глаза.

— А что хочешь, то и наговаривай, — бабушка улыбается, и в глазах у неё заплескались смешливые искорки. — Своими словами проси. От сердца проси. Скажи: «Матушка Макоша, пряха небесная, помоги мне нитку добрую спрясть, защитушку крепкую свить. Чтоб оберег мой от лихого человека берёт, от глаза дурного, от слова злого». Или как сердце тебе подскажет. Это не молитва, это — разговор. Ты с миром разговариваешь, поняла? Он тебя слышит.

Света закрывает глаза и шепчет, чувствуя, как нитка скользит между пальцев:

— Матушка Макоша... помоги мне... чтоб куколка моя добрая была, чтоб она меня берегла, от плохого... и от Ксеньки всякой...

Бабушка тихо смеётся:

— Ну, Ксенька — это уж ты сама, внучка. А Макоша — она всем помогает, кто с душой просит. Дальше смотри: как нитку сделаешь, надо куколку мотать. Только без лица, запомни. Лицо кукле не делают, крест нитками вышивают — чтобы она неживая была, не замещала собой человека. Оберег должен быть пустым внутри, чтобы он чужое на себя принимал. Поняла?

— Поняла, бабушка.

— И нареки её обязательно, — продолжает бабушка, показывая, как укладывать нить, как завязывать узелок. — Кукла без имени — не кукла, а просто мочалка. Наречёшь — она в себя силу возьмёт и тебе служить станет. И главное — делай её с любовью. Если со злобой делать — она тебе не защита, а беда. Потому что оберег — он как зеркало: что в него вложишь, то и вернёт. А ты, Светка, добрая. Я это знаю. У тебя руки тёплые.

Бабушка берёт её за руку, и Света чувствует, как та тёплая, сухая ладонь сжимает её пальцы. Она смотрит на свои руки — они совсем маленькие, детские, а в них уже есть что-то важное, что она не умеет назвать.

— Запомнила? — спрашивает бабушка.

— Запомнила, — шепчет Света.

— А теперь вставай. Всё, — бабушка легко шлёпает её по плечу. — Не время спать, надо дальше учиться. Иди, иди, Светка. В Москве тебя ждут.

Света резко подняла голову. На столе лежали раскрытые книги, и в руке она всё ещё сжимала мотанку. За окном уже сгустились сумерки, лампа мягко освещала страницы. Ей казалось, что прошло не больше минуты, но часы на стене показывали половину седьмого.

Она выдохнула и улыбнулась. Сон был таким живым, таким тёплым, что она почти чувствовала на ладони тепло бабушкиного веретена. Она поднесла мотанку к глазам и провела пальцем по льняному кресту:

— Ну что ж, куколка, — прошептала она. — Бабушка сказала, ты должна меня беречь. Ты и береги.

Она аккуратно спрятала мотанку под кофту, к самому сердцу, и почувствовала, как от неё исходит ровное, спокойное тепло. Сон дал ей не просто отдых — он напомнил ей, кто она есть. И зачем она здесь.

Она подошла к окну, вдохнула холодный вечерний воздух Москвы и посмотрела на закат. Он был багряно-золотым, почти как в Смоленске.

— Спасибо, бабушка, — сказала она в небо. — Я всё запомнила.

Глава 3

КОВЕН

Света проснулась оттого, что за окном кто-то громко смеялся. Она приоткрыла глаза — в комнате было серо и сыро, московское утро встретило её низким небом, затянутым свинцовыми тучами, и мелким, нудным дождём, который барабанил по подоконнику, создавая монотонный, усыпляющий ритм. Она полежала ещё несколько минут, прислушиваясь к себе: внутри было спокойно, но настороженно, как перед грозой. Вчерашнее происшествие с обыском всё ещё занимало её мысли. И Света знала, что сегодня ей предстоит разобраться, что именно искала Ксюша.

Она встала, умылась холодной водой, прогоняя остатки сна, оделась в спортивный костюм и вышла. Сегодня у неё была запланирована пробная тренировка в спортзале — небольшое убежище, где можно было выплеснуть тревогу и почувствовать себя сильнее.

Спортзал находился в подвальном помещении старого студенческого корпуса. Пахло потом, хлоркой и резиновыми матами — тем особым, живым запахом, который невозможно перепутать ни с чем. Света переобулась, надела растянутую футболку и леггинсы, и вышла в тренажёрный зал. Инструктор — молодой парень с идеальным прессом и бесконечным терпением показал ей несколько упражнений и оставил на беговой дорожке. Она бежала и чувствовала, как пот смывает усталость, как мышцы просыпаются и страх уходит вместе с каждым выдохом.

Она почти забыла о Ксюше и о вчерашнем обыске. Почти.

— Ну что, деревенская, решила стать красивой? — раздался голос за спиной.

Света сбавила скорость и обернулась. У входа стояла Ксюша — в чёрном обтягивающем спортивном костюме, который сидел на ней как вторая кожа. Рядом с ней — две девушки: одна высокая, с ярко-рыжими волосами и чёрными губами, в таком же чёрном костюме, который, казалось, был куплен на распродаже в магазине спортивной одежды; другая — низенькая, кругленькая, с короткой стрижкой и серьгой в носу, тоже вся в чёрном, и выглядела она так, будто собиралась не в спортзал, а на похороны. Они смотрели на Свету с холодной, почти торжествующей улыбкой, как стая, которая окружила добычу.

— Я просто тренируюсь, — сказала Света, останавливая беговую дорожку. — Что вам нужно?

— Нам? — Ксюша усмехнулась и сделала шаг вперёд, сверкая глазами, как у кошки, которая нашла мышку. Девушки последовали за ней, как тени, и их чёрные костюмы сливались с полумраком зала, делая их похожими на три одинаковые фигуры из дешёвого триллера. — Мы хотим посмотреть, как ты стараешься. Как бегаешь. Как потеешь. Как пытаешься стать лучше. Только зачем? Всё равно ты здесь чужая. Колхозница.

— Мы знаем, кто ты, — сказала рыжая, и её голос был низким, почти мужским. — Ты — деревенская колдовка. Из тех, кто верит в берёзки и заговоры на молоко. Только мы тут другие.

— Мы — ковен, — подхватила коротко стриженная, — И мы не верим в сказки. Мы создаём свою реальность. И в нашей реальности тебе нет места.

— Ты думаешь, мы не знаем, что ты умеешь? — Ксюша подошла ближе, почти вплотную, и Света почувствовала запах дешёвого табака, который смешивался с запахом пота и резины. — Москва — не твоя деревня. Здесь другие законы. Другая сила. И твои деревенские фокусы здесь не работают.

— Я не собираюсь ни с кем воевать, — сказала Света, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри всё кипело. — Я просто учусь. И хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Слишком поздно, — улыбнулась Ксюша, и в её улыбке было что-то змеиное. — Ты уже с нами. С того момента, как переступила порог этого факультета. Мы следим за тобой, деревенская.

Рыжая сделала шаг вперёд, загораживая выход из тренажёрного зала. Коротко стриженная встала с другой стороны, отрезая путь к раздевалке. Света оказалась в ловушке — между тремя девушками и железной стеной тренажёров.

— Давай покажи нам, что ты умеешь, — сказала рыжая, и её голос стал тише, почти шёпотом, отчего стало ещё более жутко. — Давай покажи нам свою силу. Или ты только и умеешь, что бледнеть и прятаться?

Она толкнула Свету в плечо — не сильно, но достаточно, чтобы та пошатнулась. Света ударилась спиной о поручень беговой дорожки и почувствовала, как внутри закипает гнев, смешанный с холодной решимостью.

— Руки убрала, — сказала она тихо, и в голосе её зазвенела сталь, как у клинка, который только что вытащили из ножен.

— А то что? — усмехнулась рыжая, сверкнув чёрными губами. — Что ты сделаешь, деревенская?

Она дёрнула Свету за футболку, потянув вниз. Света перехватила её руку и сжала запястье — не больно, но крепко, как учила бабушка: «Не давай себя трогать, если не хочешь». Рыжая удивлённо отдёрнула руку, и в её глазах мелькнула тень растерянности.

— Я сказала: руки убрала, — повторила Света, и в голосе её теперь слышалась не просто сталь, а целый арсенал. — Ты хочешь увидеть мою силу? Я тебе её покажу, если вы не отстанете. Но вам это не понравится.

Ксюша прищурилась, и в её глазах мелькнула тень неуверенности, но почти сразу же она усмехнулась и подошла ближе.

— Какая смелая, — сказала она, почти касаясь носом Светиного лица. — Ну, что ж, деревенская. Мы посмотрим. Время покажет. Но запомни: мы — ковен. А ты — одна. И если ты не уйдёшь, мы заставим тебя уйти. Так или иначе.

Она сделала шаг вперёд, и Света почувствовала, как от неё исходит холодная, липкая энергия — словно кто-то открыл холодильник прямо у неё за спиной. Рыжая снова потянулась к ней, чтобы толкнуть, и в тот же миг за их спинами громко хлопнула дверь.

— Эй! — раздался громкий голос, который разнёсся по залу как раскат грома. — Что здесь происходит?

Все обернулись. В дверях стоял высокий парень — под два метра ростом, с коротко стриженными тёмными волосами, мокрыми от пота, которые блестели под светом ламп, как чёрный шёлк. Его широкие плечи обтягивала простая чёрная майка, под которой угадывалась каждая мышца — такая, что любой инструктор по фитнесу позавидовал бы. Он тяжело дышал, как будто только что бежал марафон, и в его карих глазах, тёплых и глубоких, горела злость — смешанная с лёгким удивлением. Его руки, сильные и жилистые, были сжаты в кулаки, но не агрессивно, а скорее — готовые к действию.

Он шагнул вперёд, и его походка была лёгкой, почти кошачьей, несмотря на внушительные габариты — как у человека, который умеет двигаться быстро и бесшумно, когда нужно.

— Солнышко, у тебя все норм? — сказал он, и голос его звучал ровно, но в нём слышалась сталь, как у человека, который не любит повторять дважды. — Слышу — шум, крики. Думал, кто-то упал. А вы что здесь за шапито устроили? Или вы думаете, что спортзал — это лучшее место для проведения собраний вашего... как это называется? Ковена?

Ксюша медленно повернулась к нему и окинула его взглядом — холодным, оценивающим, как у продавщицы в дорогом бутике, которая решает, стоит ли тратить время на этого покупателя.

— А ты кто такой? — спросила она, и в её голосе послышалось лёгкое раздражение. — Это не твоё дело.

— Моё, — ответил парень ровно, подходя к Свете и вставая между ней и Ксюшей, закрывая её собой, как щит. — Это моя девушка. И если у вас есть к ней вопросы — решайте их со мной. Лично. Напрямую. Без этих вот... массовых мероприятий.

Рыжая хотела что-то сказать, но парень не дал ей рта раскрыть. Он повернулся к Свете и взял её за руку — легко, почти невесомо, но так, чтобы все видели.

— Ты в порядке? — спросил он тихо, глядя ей в глаза, и в его голосе слышалась неподдельная забота, смешанная с лёгким беспокойством. — Они тебя не тронули?

— Всё хорошо, — сказала Света, чувствуя, как внутри разливается тепло. — Просто разговаривали.

— Я вижу, — усмехнулся он и снова повернулся к Ксюше, и в его глазах мелькнула лёгкая ирония. — Девушки, у вас есть две секунды, чтобы уйти. Или я звоню в охрану. А заодно декану на ваш факультет. Думаю, он будет рад узнать, что его студентки шумят в спортзале не по делу. Короче, если вы сейчас не уйдёте, я позвоню в полицию. У нас в зале камеры есть. Всё записано. И я готов объяснить, что здесь произошло, — кому угодно.

Ксюша нахмурилась, и в её глазах мелькнула злость, смешанная с любопытством.

Она сжала губы, махнула рукой своим подругам, и они, бросив на Свету последние злые взгляды, развернулись и ушли. Их шаги гулко разносились по коридору, и через несколько секунд в зале стало совсем тихо.

Света выдохнула, и только сейчас заметила, что её руки всё ещё дрожат. Она посмотрела на парня, который отпустил её руку, и удивлённо спросила:

— Ты... зачем ты это сделал? Ты же не знаешь меня. Зачем сказал, что я твоя девушка?

Он улыбнулся — широко, открыто, с лёгкой смешинкой в глазах, которая делала его похожим на большого дружелюбного пса.

— Саша, — просто сказал он, протягивая руку для рукопожатия, и его рукопожатие было крепким и уверенным. — С физмата. Я занимаюсь в соседнем зале. Услышал шум — у нас стены тонкие, как картон, — и решил посмотреть. А про девушку — ну... это просто сработало. Они же ждали, что ты одна. А тут я — такой, весь из себя парень. Им пришлось отступить. Я, знаешь, люблю, когда всё просто.

— Спасибо, я Света — и голос её дрогнул, потому что она всё ещё не могла поверить, что кто-то просто так, без причины, решил ей помочь. — Ты не представляешь, как вовремя ты появился.

— Я понял, — сказал он серьёзно, и его лицо стало сосредоточенным. — А суть их претензий к тебе какая?

— Ксюша думает, что она — ведьма. И у неё свой ковен. Они хотят меня запугать. Выжить.

— И ты веришь в магию? — спросил он, и его голос стал серьёзным, хотя в глазах всё ещё блеснула лёгкая усмешка. — По-настоящему? Или это просто такая... фишка?

— Я выросла в деревне, — сказала Света. — Бабушка меня учила. И я знаю, что магия — это реально. Только не та, которую они делают. Та, которая живёт в земле, в воде, в огне. И я чувствую её.

Саша внимательно посмотрел на неё, и в его карих глазах мелькнуло уважение — смешанное с лёгким удивлением, как у человека, который только что обнаружил, что мир устроен сложнее, чем он думал.

— Знаешь, — сказал он, чуть наклонив голову, и его голос стал мягче, — я физик, и я не верю в магию. Но я верю в энергию. И я знаю, что намерение — это реальная сила. Если ты что-то искренне хочешь и концентрируешь на этом всё своё внимание, это может изменить мир. Как в квантовой физике: наблюдатель меняет результат. Может, твоя магия — это просто

квантовая физика, которую мы ещё не научились измерять? Или, может, это просто... твоя суперсила.

Света удивлённо посмотрела на него.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно, — улыбнулся он, и его улыбка была тёплой и открытой. — Я с тобой, кажется, мог бы говорить часами. Ты не хочешь выпить кофе и рассказать мне больше? Я обещаю: я не буду смеяться над твоими суевериями. Я буду слушать. И, возможно, даже найду им научное объяснение.

Света невольно улыбнулась.

— Я бы с удовольствием. Только... я не знаю, что они сделают в ответ. Ксюша не прощает, когда кто-то вмешивается.

— Ну, — Саша усмехнулся, и в его глазах заиграли смешливые искорки, — тогда я буду твоим личным квантовым наблюдателем. Если она попытается что-то сделать, я просто посмотрю на неё — и всё изменится.

Света засмеялась — легко, свободно, как давно не смеялась.

— Пошли, — сказала она. — Только предупреждаю: я — практикующая ведьма, и я могу заговаривать воду. И если ты будешь смеяться, я превращу твой кофе в чай.

— А я — практикующий физик, — ответил Саша, открывая перед ней дверь, — и я могу объяснить, почему это работает. И, если честно, я готов рискнуть.

Они вышли из спортзала, и Света чувствовала, как впервые за долгое время внутри становится спокойно и тепло. Она не знала, что будет завтра. Но сегодня у неё было то, чего не отнять: этот момент, этот разговор и этот человек, который не побоялся вмешаться и прикрыть её собой.

Она знала — Ксюша не отступится. Но теперь у неё был союзник. И, возможно, друг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.